

А.В. КИВА

Духовность и преодоление кризиса

В сложные периоды национальной истории роль духовности как сплачивающего нацию начала или, выражаясь словами классиков научного социализма, как материальной силы резко возрастает. При этом на первый план выходят те ее стороны и аспекты, которые в наибольшей мере импонируют настроениям людей, наиболее созвучны острым общественным проблемам. Особенно возрастает роль национальной идеи.

Однако не все придерживаются такой точки зрения. Среди немалой части либеральной западной интеллигенции довольно широкое распространение получило представление, что само по себе стихийное развитие рыночных отношений рано или поздно приведет к радикальным изменениям в социальной структуре общества, в сфере массового сознания, благотворно скажется на духовной жизни общества. Так сказать, развитие рыночных отношений и демократии все расставит по своим местам. Поэтому не стоит заниматься поисками национальной идеи, социального идеала и т.д. Это может послужить толчком для роста национализма, великодержавного шовинизма, осложнить наши отношения с Западом и т.д. Есть общечеловеческие ценности, они и являются и социальным ориентиром, и национальной идеей, и основой новой, посткоммунистической нравственности и духовности. Западное демократическое общество, по мнению придерживающихся такой позиции, не придает большого значения проблемам, находящимся вне сферы материального интереса, и уж тем более меньше всего озабочено тем, в каком направлении идет развитие страны, есть ли у нее национальная идея и т.п.

Так ли это на самом деле? В странах, в которых достигнут высокий уровень национального и государственного сознания, а национальный интерес перешел в область подсознания, где давно сформировалось гражданское общество с хорошо отработанными механизмами самоорганизации и саморегуляции и достигнут консенсус общества по основным вопросам бытия, указанные выше вопросы в спокойные, как говорится, времена действительно редко ставятся в центр общественного внимания. Впрочем, и это не совсем точно. Так, например, после прихода к власти социал-демократов (лейбористов) в Англии их лидер Э. Блэр заговорил о "новом социализме" ("новом лейборизме"), о "третьем пути" развития. Между прочим, представляет интерес его высказывание о том, что необходимо отказаться как от представлений старых левых, проповедовавших государственное регулирование экономики, высокие налоги и приоритет интересов производителей, так и от полного невмешательства в экономику, свойственного для новых правых, считающих узкий индивидуализм и свободный рынок панацеей от всех бед.

Другими словами, и в "сытых", благополучных странах на новом витке исторического развития власть часто вынуждена апеллировать к народу, выдвигая новые идеи, предлагая новые способы решения тех или иных общественно значимых проблем. Иначе не было бы ни "рейганомии", ни "тэтчеризма", не было бы и нового понимания прав и свобод граждан, новых представлений о защите прав национальных

и иных меньшинств, переосмысления проблем защиты окружающей среды, животного мира и т.д.

Если же вспомнить о периодах национальных кризисов и иных крупных катаклизмов, то ситуация и в странах Запада выглядит совсем по-другому. Обратимся к наиболее известным из новейшей истории примерам. Начнем с того, как поступал Ф. Рузвельт в годы Великой депрессии, когда производство в США упало на одну треть (в то время как в России, к слову сказать, за последнее десятилетие оно сократилось в два раза), многие миллионы американцев оказались без работы и средств к существованию, когда отчаяние перед лицом неожиданно свалившихся на еще вчера благополучную страну нищеты и страха перед будущим, если можно так сказать, сломили традиционно оптимистический дух американцев, повергли нацию в глубочайшую депрессию.

Историки и экономисты, описывая годы президентства Рузвельта, обычно делают акцент на социально-экономической стороне проблемы. В частности, указывают на его отход от политики либерализма в пользу резкого усиления государственного регулирования, на появление крупномасштабной программы общественных работ, позволившей одновременно и трудоустроить миллионы безработных, и резко поднять покупательный спрос населения - важнейший стимул для развития производства. За сравнительно короткий срок были построены новые дороги, мосты, школы, больницы и прочие объекты производственной и социальной инфраструктуры, многие из которых, кстати, по сей день исправно служат нации. Особо подчеркивается, что Рузвельт впервые в капиталистическом мире начал создавать социальные программы, ставшие основой "общества социального благоденствия", именно с его именем связаны появление среднего класса и прорыв Запада из старого капитализма в так называемый посткапитализм. Однако Рузвельт ничего бы не добился, если бы не сумел поднять дух нации, вернуть миллионам американцев веру в свои силы, в будущее, вывести их из состояния глубокой подавленности и апатии. Большую роль в этом сыграла и апелляция к национальной идее, к чисто американским ценностям¹.

Прагматизм американцев, всегда ставивших на первое место не духовные, а материальные начала, родил и соответствующий тип национальной идеи. Это так называемая "американская мечта" - материальное благополучие, говоря языком рекламы, "в этой жизни", а не в каком-то отдаленном "светлом будущем". Но американская национальная идея не ограничивается этим. В нее также органично вписывается и осознание уникальности своей страны, огромной по площади и разнообразной по климатическим условиям. Самой богатой в мире. Имеющей самый мощный экономический и научно-технический потенциал. За послевоенные годы добавилось еще и осознание той исключительной роли в мире, которую играют США с учетом их военных, экономических и геополитических возможностей. Отсюда и знаменитый американский патриотизм, в свою очередь родивший расхожее представление о том, что Америка всегда права, какого бы сомнительного рода действия она ни совершала в мире. (Протест американцев против войны во Вьетнаме — пожалуй, исключение из правила, да и рожден он был неудачными действиями американских вооруженных сил в Индокитае и большими потерями.)

На чем, подчеркиваю, делал акцент Рузвельт? На том, чтобы вернуть американцам веру в будущее. В реальность осуществления "американской мечты", которая, как многим казалось, была навсегда погребена экономическим коллапсом. В конечном итоге эту цель преследовали и государственные работы, охватывавшие более 30 тыс. различных проектов. Ибо хозяин Белого дома и его окружение хорошо понимали, что человек без работы теряет не только веру в себя, в будущее, но и свое достоинство. Важно подчеркнуть и то, что в трудный для страны час "великий американец", как на-

¹ Хочу оговориться: национальная идея того или иного, тем более великого, народа имеет собственное лицо. У нас же, когда говорится о национальной идее, некоторые авторы сразу же вспоминают знаменитую триаду ("православие, самодержавие, народность") или "моральный кодекс строителя коммунизма". Первое сильно отдает анахронизмом, а второе оказалось скоропортящимся плодом "реализованной утопии".

звал Рузвельта при жизни "великий англичанин" У. Черчилль, нашел сплывающее и мобилизующее американцев слово, и этим словом была "солидарность". "Вместе мы не можем потерпеть поражение", - говорил он своим соотечественникам [Уткин, 1998]. Это несмотря на то, что американцы по своей натуре, как известно, индивидуалисты, но чрезвычайные обстоятельства диктуют нестандартные решения.

"Вера", "Надежда", "Солидарность" - вот три слова-понятия, которые подняли американцев с колен до того, как начались новые испытания в ходе Второй мировой войны. Только следует иметь в виду следующее: эти три слова мало чего стоили бы, если бы за ними не было реальных дел по выводу экономики из кризиса, по улучшению благосостояния населения, укреплению авторитета страны в глазах мирового сообщества. И еще. Американцы питали редкое доверие и уважение к своему президенту, следовали его советам и рекомендациям. Они видели в нем не только талантливого государственного деятеля, но и душевного человека, способного сострадать горю простых людей, видели в нем великого труженика, который отдавал все свои силы служению обществу, оказавшейся в беде стране.

Другой пример уже европейской страны - Франции - времен президентства Ш. де Голля по-своему показателен. Там была принципиально иная ситуация. Общим с США было лишь наличие глубокого кризиса. Только Франция переживала прежде всего политический кризис, кризис парламентской системы, всех устоев Четвертой республики. И этот кризис с особой остротой проявился в ходе затянувшейся и не очень успешной колониальной войны в Алжире. Под влиянием военных неудач в колониях (до этого страна пережила поражение французского экспедиционного корпуса в Индокитае), с одной стороны, и слабости политического руководства - с другой, появилось и с каждым днем укрепляло свои позиции движение нефашистов под флагом наведения порядка в стране. Демократические институты оказались под серьезной угрозой (чего не было в США даже в самый тяжелый период Великой депрессии). А еще было глубокое недовольство французов засильем американского влияния в стране, тем, что США смотрели на Францию, как на своего послушного вассала.

Но поскольку времена президентства де Голля ближе к нашим дням, да и новейшая история европейской Франции нам лучше известна, чем история страны Нового Света, я ограничусь лишь некоторыми замечаниями по теме. Де Голлю удалось установить новый политический режим - режим президентской республики, дать мощный импульс экономическому и научно-техническому прогрессу, укрепить влияние Франции на международной арене в огромной мере благодаря новой национальной идее, которую он предложил французам. Таковой стала борьба за укрепление государственности, за восстановление величия Франции, за ее независимость на международной арене, за сохранение чистоты родного языка, за развитие национальной культуры и т.д.

Иначе говоря, это практически все те же или почти все те же ценности, которые дороги и для основной массы россиян: патриотизм, государственность, любовь к родной земле, бережное отношение к национальной культуре, истории и т.д. Не случайно французские либералы, как, впрочем, и либералы многих других стран Запада, называли де Голля националистом авторитарного толка. Зато годы спустя де Голль, как и Рузвельт, будет признан одним из величайших государственных деятелей XX века, а при жизни каких только ярлыков ему ни навешивали, в том числе "диктатора" и даже "фашиста". Не говоря уже о самом расхожем обвинении его в создании в стране режима личной власти.

Так ли актуальна для современной России идея возрождения духовности

Как известно, пафос отечественных реформаторов сводился к очень простой формуле. Во-первых, осуществить как можно быстрее разгосударствление собственности, передать ее в частное владение любой ценой (точнее - за бесценок), особенно если речь идет о "своих людях". Во-вторых, добиться сбалансированного государственного бюджета также любой ценой, даже если это будет грозить миллионам людей полу-

голодным существованием, обречет на медленное умирание большую науку, культуру, социальную инфраструктуру и т.п. В-третьих, свести до минимума инфляцию. В-четвертых, как можно скорее принять рыночные законы. Предполагалось, что как только это будет сделано, иностранный (западный) капитал, как блага по К. Марксу после обобществления частной собственности, хлынет в страну широким потоком.

Но, как мы знаем, события развивались в прямо противоположном направлении. Капитал действительно хлынул мощным потоком, только не в Россию, а из нее - в офшорные зоны и в западные банки, и этот поток не прекращается. В 1999 году из страны вывезено 20 млрд долл., а в 2000 году утечка капитала ожидается в размере 25 млрд.

Так или иначе, Россия оказалась в тисках глубочайшего общего кризиса, в сильнейшей зависимости от международного финансового капитала, без государственных и сколько-нибудь значимых зарубежных инвестиций в национальную экономику. Экономический рост, зафиксированный в 2000 году, вряд ли можно признать устойчивым, ибо связан он прежде всего с высокими ценами на энергоносители. При ухудшении мировой конъюнктуры все может сразу измениться, и вряд ли это произойдет после того, как мы минуем опасный путь между Сциллой и Харибдой.

Я имею в виду, с одной стороны, нарастающие выплаты по внешним долгам, а с другой - массовый выход из строя уже в ближайшие 2-3 года машинного парка и производственной инфраструктуры из-за их крайней изношенности. Финансовая катастрофа 1998 года может повториться только с более тяжелыми для страны и народа последствиями. И если это, не дай Бог, случится, то, чтобы не довести дело до распада страны или прямой диктатуры с труднопредсказуемыми последствиями, придется переходить на принципы "мобилизационной экономики". Как мне представляется, к такому повороту событий мы, как страна, не готовы. Прежде всего потому, что народ не поймет, ради чего он должен идти на новые ограничения, если не жертвы.

Но даже если развитие России не пойдет по столь мрачному сценарию, все равно придется мобилизовывать все физические и интеллектуальные ресурсы нации, чтобы постепенно сокращать то колоссальное отставание от наиболее развитых стран, которое стало результатом многолетней стагнации. Иначе мы окончательно окажемся на обочине научно-технического прогресса и на задворках мировой истории, будучи не в состоянии сохранить себя в качестве великой державы. А оставаться великой державой для России с учетом ее геополитического положения - не блажь великодержавников, как думают многие либерал-демократы, нередко ссылающиеся на пример некогда великой, но бедной, а ныне маленькой, но процветающей Швеции, находящейся на севере Европы, далеко от эпицентров общественных потрясений. Это вопрос жизни и смерти российского народа как определенной общности. Как справедливо считает Г. Попов, "страна протяженностью от Балтики до Тихого океана, напичканная богатейшими природными ресурсами, достаточно малонаселенная, не сможет удержаться как единое государство, не будучи великой. Или великая держава - или распад России на ряд русскоговорящих стран" [Попов, 2000].

Но нельзя обеспечить прорывные темпы роста без доверия народа к власти, без одобрения им избранного пути, без его веры в существующую в стране справедливость, в свое будущее. Нужны и объединяющие народ идеи, и новые, постсоциалистические идеалы и ценности. Не обойтись и без того, чтобы преодолеть по крайней мере наиболее уродливые проявления не только нынешней бездуховности, социальной деградации и общественной смуты, но и сложившегося бытия. Правда ведь в том, что для большинства россиян, включая основную массу интеллигенции, давно стерлись, потеряли свою былую притягательную силу такие понятия, как "общечеловеческие ценности", "демократия", "рыночная экономика", "общеевропейский дом" и т.д. Реформирование страны, начатое по подсказанной извне модели шоковой терапии, вне понимания его как длительного, многоступенчатого процесса в рамках переходного периода (от коммунистического строя к демократическому), с одной стороны, и корыстные интересы влиятельных внутренних и внешних сил - с

другой, дали результат, которого никак не ожидало большинство из тех, кто в том или ином качестве под флагом борьбы за демократию и рыночную экономику участвовал в антикоммунистической, демократической революции.

Для тех, кто искренне боролся за демократическую Россию со здоровой рыночной экономикой, стали поистине шокирующими результаты такого "реформирования". И в первую очередь то, что общенародная собственность оказалась в руках по большей части случайных и нечистых на руку людей. Это в свою очередь привело к резкой, неведомой развитому миру социальной дифференциации, к обнищанию, как минимум, трети населения, к появлению кучки сказочно богатых нуворишей. На "новых богатых" и "новых бедных" разделились те, кто в "нормальных странах" составляет сердцевину среднего класса, - специалисты с высшим образованием, включая профессуру. А ведь средний класс - фактор социальной стабильности и опора демократии.

На фоне воцарившихся в стране порядков, когда бал правит вопиющая, ничем не прикрытая несправедливость, и в условиях люмпенизации бытия и сознания огромной массы людей взрывной характер приняли социальные и духовно-нравственные болезни, причем в небывалых для мирного времени масштабах и остроте. Это и несколько миллионов беспризорных детей, и примерно такое же число бездомных, и принявшие опасный характер для самого будущего российского этноса алкоголизм и наркомания, и резкая девальвация ценности человеческой жизни.

Однако дело не только в падении нравственности. Падает интеллектуальный потенциал народа, сокращаются трудовые ресурсы страны. Постоянная "утечка мозгов" - только один фактор, подрывающий созидательный потенциал россиян. (При том, что по данным "Независимой газеты" от 12 апреля 2000 года с 1990 года внутренние затраты на исследования и разработки уменьшились в России в 30 раз, а доля ассигнований на науку в целом в расходах федерального бюджета снизилась с 5,7% в 1993 году до 2,7% в 1998 году и до менее 2% в 2000 году.) Появление все большего числа слабых здоровьем детей в результате дурной наследственности (в семьях алкоголиков и наркоманов), плохого питания, запущенной экологии, недостатка лекарств и в целом неудовлетворительного медицинского обслуживания, постоянное пополнение армии алкоголиков и наркоманов молодыми людьми, которые, по идее, должны взять на свои плечи строительство новой, демократической и процветающей России, - еще более страшная реальность наших дней.

Д. Гранин говорит: "Россия живет без заботы о будущем, без насущной идеи, которая включает каждого. Будущее испакошено лживыми посулами рвущихся к власти, мрачными прогнозами экологов, медиков. Мы никак не можем освободиться для человечности. Есть ли будущее у России? - вопрос не риторический. Он возникает не только из судеб брошенных детей, из новых миллионов наркоманов, но прежде всего из нравственной обстановки нашего общества... Иногда мне кажется, что будущее России тоже беспризорно, бездомно" [Гранин, 1998]. В то же время А. Солженицын в последней книге "Россия в обвале" (1998 год) хотя и говорит, что страна находится на грани потери своих духовных традиций, тем не менее смотрит на ее будущее более оптимистично, подчеркивая, что вопреки всему еще сохраняется тяга народа к общественной справедливости и нравственной жизни.

Таким образом, и мировой опыт, и явно ощущаемая отечественными мыслителями тяга народа к идеалам справедливой и нравственной жизни подводят к выводу о том, что для успешности всех преобразований необходим некий духовный, идейный толчок, способный воодушевить всех на новые свершения. Однако здесь сразу возникает вопрос, что же понимается в отечественной традиции под термином "духовность".

Духовность, как и культура или интеллигентность, - понятие емкое. Это понятие часто подменяется чем-то близким, но не тождественным. Слова академика Д. Лихачева о том, что интеллигентным человеком надо быть, казаться им невозможно, в равной мере относятся и к духовности. Притворяться духовно-нравственным челове-

ком, не будучи таковым, очень трудно. Но в данном случае мы ведем речь о духовности как категории не личной и не групповой, а общенациональной.

В словаре В. Даля о духовности говорится как о составляющей духовного, духовное же трактуется как "все относимое к душе человека, все умственные и нравственные силы его, ум и воля" [Даль, 1978]. Не слишком ли расширительно трактует понятие духовности Владимир Иванович?! В академическом же четырехтомном словаре под редакцией А. Евгеньевой понятие "духовность" почему-то считается понятием устаревшим и охватывает, по существу, всю человеческую сущность - "духовная, интеллектуальная природа, сущность человека, противопоставляемая его физической, телесной сущности" [Словарь... 1981]. Правда, слово "духовный" разъясняется как внутренний, нравственный мир человека, при этом приводятся примеры: "Духовный мир человека. Духовные интересы. Духовные запросы. Духовная близость" [Словарь... 1981].

Все эти примеры, однако, не дают представления о сути духовности. И у убийцы есть свой духовный мир. Многие гитлеровские палачи, в том числе прославившиеся своими зверствами в обращении с узниками концлагерей, с удовольствием слушали классическую музыку, а то и сами играли на музыкальных инструментах, увлекались сентиментальными романами, посещали театры и т.д. То есть им нельзя отказать в духовных запросах при том, что они были человеконенавистниками. Лидеры большевиков тоже считали себя людьми высокодуховными и нравственными, что не мешало им травить газом тамбовских крестьян, топить в баржах рабочих, расстреливать детей, морить голодом верующих и вообще учинить геноцид по отношению к собственному народу. Суть их нравственности хорошо выразил В. Ленин, по мнению которого нравственно то, что содействует делу революции.

Но это лишь часть правды. В реальности сложнее. Скажем, такой крупной фигуре российской общественной мысли, как В. Белинский, вряд ли можно отказать в высоких духовных порывах, в стремлении отдать все свои силы и самое себя в борьбе за общественные интересы. Но, как пишет о нем Н. Бердяев, "из сострадания к людям Белинский готов проповедовать тиранство и жестокость. Кровь необходима. Для того, чтобы осчастливить большую часть человечества, можно снести голову хотя бы сотням тысяч. Белинский - предшественник большевистской морали. Он говорит, что люди так глупы, что их насильно нужно вести к счастью. (Не его ли слова повторяет наша достославная "правозащитница" В. Новодворская?! - А.К.) Белинский признается, что, будь он царем, он был бы тираном во имя справедливости. Он склонен к диктатуре. Он верит, что настанет время, когда не будет богатых, не будет и бедных" [Бердяев. Истоки... 1990, с. 34, 35].

Однако Белинский в своих радикальных взглядах не одинок, он лишь один из наиболее ярких представителей радикально настроенной русской интеллигенции. Так, один из участников нашумевшего в свое время сборника "Вехи", а потом и автор статьи в сборнике "Из глубины" видный публицист кадетской партии А. Изгоев (А. Ланде) писал: "Основная причина нынешнего беспримерного государственного разгрома в том, что интеллигенция совершенно не понимала ни природы человека и силы движущих им мотивов, ни природы общества и государства и условий, необходимых для их укрепления и развития. О человеке, об обществе и государстве наша интеллигенция поставила себе фантастические, лживые и ложные представления... Все главные политические, социально-экономические и психологические идеи, в которых столетие воспитывалась русская интеллигенция, оказались ложными и гибельными для народа" [Изгоев, 1990].

Иначе говоря, есть духовность и духовность. Одну можно условно назвать истинной, плодотворной, созидательной, а другую - ложной, фальшивой, разрушительной. Говоря словами того же Бердяева, русская интеллигенция, надо полагать, прежде всего революционно-демократическая (а в какой-то мере еще и дворянская, устами П. Пестеля заявившая о необходимости уничтожения всех Романовых вплоть до детей), признанная как носительница высокой духовности, хорошо поработала на

большевистскую революцию: "Целое столетие русская интеллигенция жила отрицанием и подрывала основы существования России" [Бердяев. Судьба... 1990, с. 7]. К сожалению, этот интеллигентский дух радикализма, замешанный на непонимании закономерностей общественного развития и самой природы человека, на идеализме и социальном утопизме, дошел и до наших дней.

Духовность - понятие историческое. Одно дело духовность традиционного, доиндустриального общества, другое - индустриального общества. Впрочем, можно говорить уже и о духовности постиндустриального (посткапиталистического) общества. В сущности, что такое русская интеллигенция? Это феномен, сформировавшийся в условиях добуржуазной, во многом еще традиционной, отсталой, полуграмотной, полунищей, не ведающей демократии, в массе своей крестьянской страны. В этих же условиях сформировалась и ее духовность. Если на Западе интеллигенция складывалась из профессионалов, называемых там интеллектуалами и движимых экономическими интересами, то в России она сформировалась сугубо на идеологической почве (для обличения существующего порядка вещей, для защиты жертв насилия со стороны имущих и власть имущих, для распространения в народе идей борьбы с самодержавием) и, по меткому выражению того же Бердяева, напоминала не союз профессионалов, людей умственного труда, а монашеский орден или религиозную секту со своей особой моралью.

В этой морали, безусловно, есть немало привлекательных черт, таких, как стремление служить народу, бескорыстие, неприязнь к стяжательству, равнодушие к богатству, приоритет духовных начал и т.д. Но беру на себя смелость утверждать, что такого рода духовность резко контрастирует с реалиями и всем характером бытия индустриального и тем более постиндустриального демократического общества. На базе философии этой духовности, изначально нацеленной на борьбу с властью и государством, неотделимой от максималистских установок, не признающей компромиссных решений, отличающейся крайней нетерпимостью к иному мнению и иному образу жизни, нельзя построить ни правовое, ни социальное государство. Не построить и демократическое общество. Ибо современное демократическое общество неотделимо от компромисса, консенсуса, плюрализма мнений и форм жизни.

За прошедшие годы жизнь неузнаваемо изменилась, а многие свои прежние постулаты, иллюзии и заблуждения, рожденные канувшей в небытие эпохой, русская интеллигенция как определенная общность по-прежнему несет с собой. Приведу такой пример. А. Синявский в 1994 году в ходе организованной "Литературной газетой" дискуссии говорил: "Лично я к власти отношусь с большим недоверием. То есть держусь в русле традиций русской интеллигенции XIX века, которая считала, что власть - это нечто опасное и поддерживать ее интеллигентному человеку как бы неприлично. Вспомните знаменитый разговор Достоевского с Сувориным о том, кто бы из нас донес, зная, что террористы готовят покушение на монарха. Оказалось, что, даже любя монарха, сочувствуя ему, никто не смог бы побежать в полицию и донести. Потому что это означало бы сделать что-то такое, что интеллигенту нельзя делать ни при каких обстоятельствах. Вот такие у нас традиции, идущие от интеллигенции XIX века".

· Это, если хотите, классический образчик архаического, в чем-то даже анархического сознания, рождающего представления о нравственности, не вписывающиеся в логику функционирования современного демократического общества. А ведь речь идет о писателе, имевшем мужество бросить вызов коммунистическому режиму и долгие годы прожившем во Франции - стране с глубокими демократическими традициями.

Человек, исповедующий принципы демократии, не может отчуждать себя ни от власти, ни от государства как таковых, его позиция определяется характером того и другого. По-моему, в современных условиях позиция неприязни к власти и государству могут занимать лишь маргинальные и даже антисоциальные элементы, но такая позиция не позволительна для гражданина своей страны. Массу примеров тому

мы встречаем в жизни государств Запада. Так, прожившие и даже побывавшие какое-то время в Германии или США россияне, не вникая в суть вопроса, нередко едва ли не в форме откровения заявляют: «Немцы и американцы - это такие "доносчики", что нам и не снилось. "Стучат" по каждому поводу». В данном случае, очевидно, наши сограждане механически переносят в иную реальность понятие "донос" из тех времен, когда в нашей стране правила бал тирания и произвол. Мне, например, приходилось слышать, как знакомые укоряли немцев за то, что те сообщали в полицию о нарушителях правил дорожного движения, а американцев - за то, что те ставили в известность своего шефа о сослуживце, в рабочее время играющем на компьютере. Им и невдомек, что важнейший принцип демократического государства - это равенство всех перед законом, а значит, и законопослушание. И если кто-то пытается ради какой-то своей выгоды или сиюминутного удобства нарушить или обойти закон или установленные для всех правила поведения - значит он хочет поставить себя в исключительное положение по отношению к другим. С этим же граждане, привыкшие не только соблюдать закон, но и твердо отстаивать свои права, согласиться не могут.

Так что же такое духовность в ее нынешнем понимании? Если говорить коротко, то это, как мне представляется, определенная система понятий, представлений, запретов, предпочтений и т.д. Определенная линия поведения под углом зрения принятия добра и отторжения зла, соответственно, гуманных и антигуманных начал. Это и определенное мироощущение. Это, наверное, и представление народа о себе, о своем прошлом, своем месте в мировом сообществе и т.д. К сфере духовности, безусловно, относится и национальная идея. Каждая новая эпоха в той или иной мере изменяет представление народа о духовности. Но при этом хотелось бы подчеркнуть ряд моментов.

Во-первых, современное понятие духовно-нравственного человека, как и духовно-нравственного общества, неотделимо от борьбы за права и свободы граждан, да, пожалуй, и за сохранение среды обитания. Причем не с позиций групповых, корпоративно-клановых и т.п. интересов или в духе социального утопизма, анархизма и т.д., а в рамках понятий демократического, правового государства и общества.

Во-вторых, при универсальности важнейших принципов духовность в обществах разного типа имеет свои особенности. Например, в российском обществе, не знавшем западного рационализма, четко прослеживается приоритет духовных начал перед материальными; общественных интересов - перед частными, личными; коллективизма - перед индивидуализмом. Как прослеживается и неприятие свойственной многим другим обществам идеи накопительства, узкого меркантилизма и т.д. В российском обществе духовность неотделима от таких понятий, как государственность, патриотизм, привязанность к земле предков и др. Неотделима она и от социального идеала, к которому общество, по большому счету, должно стремиться, как к линии горизонта, лелеять, как неизбывную мечту. Разлитое в народе стремление к социальному идеалу, как известно, было умело использовано большевиками, предложившими красивую, но утопическую мечту о счастливом будущем при коммунизме. Это же касается и присущей россиянам идеи мессианства, которую большевики использовали для навязывания другим народам "коммунистического рая".

С чего начинать возрождать духовность?

Что же следует реально предпринять, чтобы задействовать духовную составляющую реформаторских преобразований? Представляется, что прежде всего надо внятно сформулировать концепцию новой России, получив предварительно ответ на вопрос, какой россияне хотят видеть страну по важнейшим параметрам ее бытия уже в ближайшие годы. Демократической, процветающей, великой, занимающей достойное место в системе международных отношений? Или, может быть, она готова довольствоваться статусом демократической страны с эффективно работающей ры-

ночной экономикой, не претендующей на роль великой, сильной в военном отношении, влиятельной политической точки зрения?

Вопрос этот отнюдь не праздный, вокруг него были и продолжают баталии. Известна позиция немалой части нашей западной интеллигенции. Некоторые выражаются так: чем больше государства, тем меньше демократии, и наоборот. Или: не в размере территории, количестве населения и военной мощи счастье народа, оно - в его благосостоянии. То есть России важно стать прежде всего демократической страной с минимальным влиянием на ее жизнь государства и стремиться к благополучию граждан, а не к военной мощи и величию. Когда-то Е. Боннэр даже упрекала Б. Ельцина за то, что тот употребляет слово "держава". Дескать, кого держать и зачем держать в составе России, пусть все народы живут, как хотят.

Ну а что касается влиятельных сил на Западе, особенно в США, то идея великой России им явно не по душе. З. Бжезинский даже выдвинул идею создания на месте нынешней России (хотя и в рамках конфедерации) трех стран: одной - в Европе, второй - в Сибири, третьей - на Дальнем Востоке. Понятно, что предлагается это, так сказать, с благой целью для россиян - для большей управляемости и эффективной организации экономической деятельности. Директор Центра международных исследований Института США и Канады РАН А. Уткин следующим образом излагает суть позиции Запада по отношению к нашей стране: "Лучший совет, который Запад дает современной России, заключается в следующем: хаос и разброд, потеря идентичности и массовое разочарование происходят у нас не по причинам материально-экономическим, а ввиду безмерных амбиций, неумной гордыни, непропорциональных объективным возможностям ожиданий. Запад в лице его лучших представителей искренне и доброжелательно советует понять, что Россия - средних возможностей страна с отсталой индустриальной базой, не нашедшей выхода к индустрии XXI века. Нам, по их разумению, нужно трезво оценить собственные возможности и не тревожить понапрасну душу непомерными претензиями и ожиданиями" [Уткин, 2000].

Идея низведения вчерашнего реального или потенциального могучего противника до роли второстепенной и даже третьестепенной страны не нова. Таких попыток историей засвидетельствовано немало. Причем предпринимались они едва ли не против всех ныне известных великих держав, но, как правило, оказывались безуспешными. Есть то, что условно можно назвать *кодом нации*, он-то и диктует ей линию поведения. И даже вдребезги разгромленные и оккупированные Германия и Япония, связанные жесткими ограничениями по части военного потенциала, не захотели смириться с ролью третьестепенных стран и через несколько десятилетий вновь стали мощными промышленными державами с немалым политическим весом на международной арене. Ныне они претендуют на место постоянных членов Совета Безопасности ООН именно как великие державы.

Что же касается России, то она уже не раз в своей многовековой истории оказывалась тяжелейшем положении. Мир уже списывал ее со счета как субъекта международных отношений, но она вновь возрождалась и даже, как правило, становилась могущественнее, чем прежде. Ныне Россия остается ядерной сверхдержавой, способной уничтожить любого потенциального противника, что, очевидно, больше всего и беспокоит, да и раздражает тех, кто хотел бы безусловного господства в мире одной сверхдержавы - США с безграничным правом "казнить и миловать" любую страну.

Другое дело, что новая Россия не может ничего общего иметь с безумной политикой милитаризации, которую проводило коммунистическое руководство СССР, принося в жертву ей интересы собственно народа, подрывая нормальное развитие страны и настраивая против себя весь цивилизованный мир. Но такое стало возможным только в русле претворения в жизнь марксистского тезиса о "мировой революции". России достаточно быть великой державой в ряду других великих держав, не претендуя на роль сверхдержавы и, понятно, не накапливая сверхвооружений, а имея достаточные силы сдерживания.

Думаю, что вне идеи великой России людей не поднять на борьбу за возрождение страны, не добиться и повышения духовности. И это едва ли не самое главное. Архетип народа (коллективное бессознательное) складывается веками, и его по чьему-то желанию не изменить. Идея величия страны прочно вошла в психологию народа, стала частью его национального характера и менталитета. Более того, она стала составной частью его представления о качестве жизни, что не свойственно большинству других народов. Можно, конечно, ерничать по поводу мысли, высказанной словами песни "была бы страна родная...", но средний русский человек, россиянин не может чувствовать себя счастливым, если в беде находится его страна. Медики и психологи пришли к твердому выводу, что нынешняя высокая смертность среди россиян связана не столько с тяжелыми материальными условиями, сколько с их угнетенным состоянием (особенно у представителей старших поколений) в связи с распадом единой страны и затянувшимся глубоким кризисом всех устоев России, оказавшейся к тому же в сильной зависимости от Запада.

Идея величия страны - важное, но недостаточное условие подъема "народного духа". Нужны и иные объединяющие народ идеи, поднимающие его дух, вселяющие уверенность в скором преодолении нынешних трудностей. Сами собой они не появятся, кто-то их должен сформулировать. Идеи, как и песни, в том числе народные, всегда имеют своих авторов. Если исходить из мирового опыта, то такие идеи чаще всего формулируются национальными лидерами перед решением каких-то крупных задач. Я уже говорил о Рузвельте. Но и президент Дж. Кеннеди перед тем, как приступить к решению гигантской по сложности задачи уравнивания на практике в правах с белыми чернокожего населения, выдвинул идею "нового общества", и она в целом была принята американцами.

Однако когда я употребляю слово "сформулировать", то имею в виду не придумывание, не занятие самовыражением, а, если так можно сказать, улавливание того, что уже носится в воздухе, что уже четко просматривается в настроениях людей, находит отражение в массовом сознании, выходит на уровень общественного мнения. В условиях авторитарного или откровенно диктаторского режима можно в порядке директивы навязать обществу ложную от начала до конца идею: идею мировой революции или неизбежной победы коммунизма на всем земном шаре. В стране же, где есть демократические институты, подобное невозможно. Ложная идея массовым сознанием будет отторгнута.

Известно, что Ельцин в 1996 году говорил о необходимости поиска общенациональной или общероссийской идеи. Была создана специальная группа аналитиков во главе с его советником Г. Сатаровым, которая проанализировала публикации в прессе по данной теме (с сентября 1996 по январь 1997 года) и подготовила к публикации солидную брошюру - "Россия в поисках идеи. Анализ прессы". На том все кончилось. И дело не только в том, что высказывания по поводу новой общероссийской идеи оказались настолько противоречивыми, что трудно было свести их к какому-то общему знаменателю. Само начинание было не ко времени. В тот период борьба за выбор пути России еще продолжалась, расколотое общество было не готово воспринять идею, которую можно было бы считать общей для всех россиян.

Лишь после победы на президентских выборах В. Путина, на мой взгляд, объективно появились условия для, скажем помягче, плодотворных поисков сплачивающих россиян идей, которые в конечном итоге могут привести к появлению и национальной идеи. В последние годы в общественном мнении страны, в том числе во влиятельных кругах политической и интеллектуальной элиты, произошли серьезные изменения. Агрессивные действия стран НАТО по отношению к Югославии, не имеющие никакой правовой базы периодические бомбежки авиацией США и некоторых других западных стран территории Ирака, агрессия чеченских боевиков против Дагестана, попытки грубого давления США на Россию оказали воздействие даже на многих из тех, кто еще недавно готов был издеваться над идеями патриотизма, государственности, российской самобытности и т.д.

Нельзя не увидеть в политике последнего года и прагматический подход к общероссийской идее. В одном из своих выступлений Путин справедливо сказал, что тут не надо ничего изобретать. Есть идеи, которые россиянам близки и они их поддерживают. В свободном пересказе - это патриотизм, работающее на интересы общества государство, любовь к родной земле, ее культуре, стремление к достатку, знанию, духовной жизни, достойное место страны на международной арене и т.п. Думается, что именно в таком направлении и будут идти поиски общероссийской идеи.

Однако, как уже говорилось выше, понятие "духовность" не сводимо к национальной идее, оно не только значительно шире, но и первично по отношению к ней. В бездуховном обществе не может появиться и общенациональной идеи. Если говорить лапидарно, то духовность надо возрождать на примере нравственного поведения "верхов". Заранее обречены на неудачу любые попытки создания здорового социального и морально-нравственного климата в стране, высшая власть которой по мнению большинства ее граждан погрязла в коррупции, государственными делами заправляет некая "семья", т.е. теневая власть, в которой к тому же особым влиянием пользуется "новый Распутин". И вообще как-то неуместно говорить о справедливости и нравственности в стране, где крупный ученый, высококлассный специалист едва сводит концы с концами, а близкий к власти мошенник становится миллиардером.

Будем надеяться, что второй президент России решение задачи возрождения духовности в стране начнет именно с оздоровления обстановки в высших эшелонах власти. Только в этом случае нравственное оздоровление, перекинувшись на круги политической и интеллектуальной элиты, дойдет и до широкой народной среды. Духовно-нравственное оздоровление нужно нам всем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердяев Н.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
Бердяев Н. Судьба России. М., 1990.
Гранин Д. Беспризорное будущее России // Известия. 1998, 26 марта.
Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1. С. 503, 504.
Изгоев А. Социализм, культура, большевизм // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1990. С. 152.
Попов Г. Зачем России быть великой // Независимая газета. 2000, 29 марта.
Словарь русского языка. В 4 томах. Т. 1. М., 1981. С. 455.
Уткин А. Патриотизм - невидимая рука истории // Мир за неделю. 2000, 8-15 апреля.
Уткин А. Что позволило Франклину Рузвельту вывести Америку из Великой депрессии // Независимая газета. 1998, 29 июля.